

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

Оформление серии *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *П. Варавина*

Першанин, Владимир Николаевич.

П26 Штурмовая группа. Взять Берлин! / Владимир Першанин. — Москва : Яуза : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину).

ISBN 978-5-699-78932-0

К 70-летию Победы. Новый роман о штурме Берлина и последних днях Великой Отечественной войны. Правда о том, какую цену пришлось заплатить за величайший триумф в нашей истории.

Апрель 1945 года. Красная Армия рвется к столице Рейха, но это далеко не тот «победный марш», о котором трубят политруки. Вермахт и войска СС стоят насмерть, фольксштурм дерется отчаянно, а немецкие города превращены в настоящие крепости, которые приходится брать штурмом.

Но и наши войска уже не те, что прежде, накопив огромный опыт, превратившись в несокрушимую боевую машину. И первыми в преисподнюю городских боев теперь бросают не новобранцев, а элитные ШТУРМОВЫЕ ГРУППЫ – превосходно вооруженные, поддержанные танками, самоходной артиллерией, снайперами и огнеметчиками, укомплектованные лучшими бойцами и командирами. Эти «бессмертные комбаты» и матерые фронтовики, что круче любого спецназа, прошли пол-Европы и повидали все круги фронтового ада. Им принимать самый трудный, последний бой. Им брать Берлин, зачищать «логово зверя» и поднимать флаг Победы над Рейхстагом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-78932-0

© Першанин В.Н., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Предисловие

Главный город «тысячелетнего Рейха», просуществовавшего всего двенадцать лет, горел, выстилая в весеннее небо клубы дыма. Ветер поднимал копоть и пепел от сожженных бумаг, еще недавно определявших судьбу Европы. Они оседали в мутную воду сонных речек Шпрее и Хафель, многочисленных каналов, покрывая их вязким черным налетом.

Нацистский Берлин с вознесенными к небу дворцами и монументами, с которых еще недавно взирали суровые и мужественные арийские вожди, покорители мира, стал скопищем развалин.

Ненавистный для миллионов людей город, превращенный в крепость, еще жил, посылал приказы воевать до последнего немца. Пульсировала, шевелилась подземная рейхсканцелярия, где, дергающийся от контузии и приступов психической болезни, вождь нации Адольф Гитлер продолжал войну, не замечая из своего подземелья, что она проиграна.

Агония будет длиться еще месяц, и погибнут сотни тысяч людей, прежде чем прихлопнут это последнее убежище и заставят фашистскую Германию капитулировать.

Владимир Першанин

А пока широкими потоками наступали на столицу Рейха войска трех прославленных фронтов: 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского. Шли ожесточенные бои, преодолевались полосы мощных укреплений.

Разведывательно-штурмовые группы прокладывали путь корпусам и дивизиям, делая все, чтобы ускорить исход самой жестокой войны двадцатого века.

ГЛАВА 1

Штурмовая группа капитана Ольхова

Разведка нарвалась на засаду там, где ее не ожидали. Подходы к мосту через небольшую речку Пиницу представляли собой открытое со всех сторон поле. Его пересекал изрытый гусеницами гравийный проселок. Именно здесь, метров за четыреста до моста, из хорошо замаскированного дота и узкой траншеи открыли огонь два пулемета: крупнокалиберный и, второй, скорострельный «МГ-42».

Впереди шел бронетранспортер «Скаут», следом мотоцикл. Командир разведки лейтенант Савелий Грач дал команду отходить. Одновременно ударили оба пулемета «Скаута», прикрывая отход. Вражеские пули щелкали по броне, прошили подкрылок, звеня, разлетелась фара.

Расчет «браунинга», установленного над кабиной, сумел удачно накрыть станковый «МГ-42». Пули калибра 12,7 миллиметра разбили, смяли немецкий «машингевер». Оба пулеметчика были убиты или тяжело ранены. Но через минуту очередь из дота опасно резанула по капоту, пробила броневую заслонку кабины.

— Уходи с дороги, — скомандовал лейтенант механику-водителю.

Механик и сам понимал, что поединка с немецким крупнокалиберным пулеметом, да еще упрятым в доте, их машина не выдержит. Светилась дырка в заслонке, возможно, пробило капот и повредило двигатель. «Скаут» резво скатился с проселка и нырнул в кювет, где на четверть стояла талая вода.

— Гони к той низине, — показал направление командир разведки.

Машина, утопая в грязи и натужно ревя мотором, преодолела кювет и укрылась в низине за поворотом дороги. Здесь протекал ручей, но дно было твердое, каменистое. И хотя вода вскипала бурунами возле ступиц колес, отсутствовала опасность, что пятитонную машину засосет в грязь.

Лейтенант Грач, долговязый, с болтавшимся на груди биноклем, встал на подножку и болезненно сморщился. Он старался беречь своих людей, но мотоцикл «М-72» вырвался вперед и угодил под огонь.

Водитель лежал грудью на бензобаке, продолжая цепляться одной рукой за руль. Пулеметчик, сидевший в коляске, был тяжело ранен. Его безуспешно пытался вытащить командир отделения сержант Иван Шугаев. Веер бронебойно-зажигательных пуль добил пулеметчика, вспыхнул бензобак. Сержант, пригибаясь, бежал прочь.

Сгоряча перемахнул дорогу, которая хорошо простреливалась из дота. Смелым везет — пули выбили мелкий гравий у него под ногами, очередь прошла мимо. Шугаев добежал до «американца» (так иногда называли «Скаут») и, тяжело дыша, сообщил лейтенанту:

Штурмовая группа. Взять Берлин!

— Побили ребят. Не успели развернуться.

— Какого рожна ты вперед лез? Я же вас специально позади «Скаута» держал.

— Какая разница, пятьдесят или сто метров? У фрицев калибр тринадцать миллиметров. Такой и за километр мотоцикл размолотит.

Оба глядели, как, треща, горит, словно сухая поленница дров, тяжелый «М-72», а с ним вместе двое разведчиков. Расчет «браунинга» расстрелял ленту и торопливо устанавливал новую коробку. Пули из дота с опасным свистом пролетали над головой.

— Прекратить огонь, — повернулся к ним Грач. — Настрелялись. Вон двое горят.

— Да и нам досталось, — сказал механик-водитель, ощупывая пробоины и вмятины от пуль.

— Двигатель не задело?

— Нет. На ходу машина.

Сержант-пулеметчик странно, с нервными нотками рассмеялся.

— Расчет фрицевский мы накрыли. Только брызги полетели. А пуля из дота возле головы пролетела. Как пятерней по уху вмазала. В башке до сих пор гудит. И вторая в нас шла, о броню сплющилась.

— Хлебни воды, успокойся.

— Да я спокоен. И помощник тоже...

Второй номер расчета отвинчивал и никак не мог справиться с крышкой двухлитровой фляги. Он еще не пришел в себя от близкого свиста пуль и смерти двоих ребят из взвода. Полчаса назад вместе перекуривали, а сейчас горят вместе с мотоциклом.

Такая участь могла постигнуть и его. Пулемет из бетонной норы приложился точно. Если бы механик замешкался, то следующая очередь пошла бы точнее.

А крупнокалиберные пули бьют наповал, голова как арбуз разлетится.

— Дай сюда флягу, чего ковыряешься!

Сержант, приходя в себя, свинтил крышку, сделал несколько больших глотков, затем передал термос помощнику.

Тем временем лейтенант Грач связался по радиции с командиром штурмовой группы капитаном Ольховым и доложил обстановку.

— Что там, кроме пулемета, видно? — спросил Ольхов.

У долговязого лейтенанта было острое зрение.

— Пушка на другом берегу и, кажись, танк вкопанный.

— Присмотрись получше и возвращайся.

Грач выполз на пригорок, покрытый жухлой прошлогодней травой, и вглядывался через бинокль в противоположный берег. Высмотрел кроме противотанковой 75-миллиметровой пушки зенитный автомат и башню упрятанного в капонир «тигра». Танк был накрыт камуфляжной сеткой, но его выдавало пятиметровое орудие с массивным дульным тормозом.

Эти тяжелые танки с мощным орудием «восемь-восемь» в 1945 году уже не вызывали того будоражащего опасения и даже страха, как это было в начале их появления на фронте.

Ничего не скажешь, опасная машина с броней в десять сантиметров и пушкой, способной поджечь «тридцатьчетверку» за два километра. Времена изменились. Научились драться с «тиграми», да и «тридцатьчетверки» уже другие, с усиленной броней и пушкой, мало уступающей 88-миллиметровке.

Штурмовая группа. Взять Берлин!

И тем не менее лейтенант оценил осторожность капитана Ольхова, не ставшего рисковать и брать этот невзрачный мост с ходу, хотя силы для этого имелись. «Тигр» делов бы натворил.

Со своей скорострельностью и мощными снарядами эти хищники, случалось, целые танковые роты за считанные минуты выбивали.

— Уходим к нашим, — вернувшись к «Скауту», объявил лейтенант. — Шугаев, бери еще одного разведчика, и оставайтесь здесь. Если фрицы полезут, уходите по низине. В бой не вступать.

Бронетранспортер развернулся на малом газу и двинулся в обратном направлении. На другой стороне дороги дымил сгоревший мотоцикл. Тела погибших разведчиков, почерневшие, превратившиеся от сильного жара в головешки, так и остались на своих боевых местах. Порыв ветра донес запах горелой плоти, хорошо знакомый лейтенанту за два с половиной года пребывания на фронте.

Штурмовая группа капитана Василия Ольхова временно остановилась в сосновом перелеске в двух километрах от речки. Группа состояла из пехотной роты, трех танков «Т-34-85», трех легких самоходок, орудий, взвода разведки, саперов, нескольких бронетранспортеров, грузовых машин и мотоциклов.

Две с половиной сотни людей, хорошая техника и опытный командир, воевавший с августа сорок первого года. Капитан Ольхов собрал офицеров, обсудили положение. Официальным заместителем Ольхова был Савелий Грач. Командир танкового взвода старший лейтенант Антипов слушал Ольхова, кривя губы в легкой усмешке.

Бориса Антипова с самого начала задевало то, что он, командир основной ударной силы группы, не был назначен даже заместителем, а мог бы возглавить и всю группу. Воюет с Курской дуги, имеет два ордена, медали. Ему не нравилась осторожность Ольхова, которую он оценивал как нерешительность.

Тем временем капитан коротко изложил план дальнейших действий. Переправить ночью через Пиницу на трофейной резиновой лодке группу бойцов и ударом с тыла уничтожить охрану моста, «тигр» и противотанковые пушки, избежав лобовой атаки, которая без больших потерь не обойдется. Кроме того, немцы наверняка успеют взорвать мост.

Для уничтожения «тигра» и блиндажей имелись три «фаустпатрона» и новые противотанковые гранаты РПГ-6 кумулятивного действия.

— Кто пойдет на ту сторону? — спросил Савелий.

— Я пойду, — ответил капитан. — Со мной младший лейтенант Шевченко, а всего человек двадцать. Толпу для удара с тыла собирать ни к чему.

— Командиру положено оставаться с подразделением, — заметил лейтенант Малкин, инструктор политотдела дивизии, откомандированный в группу Ольхова в качестве парторга.

— Положено, — согласился капитан. — За меня останется лейтенант Грач. С осени сорок второго года на фронте. Думаю, справится.

В голосе Ольхова слышалась ирония. Он не любил, когда обсуждали его приказы.

— Вам виднее, — сказал вежливый и аккуратный политработник. — Но если надо, то и я могу на тот берег пойти.

Было заметно, что кучерявый лейтенант произнес эти слова с заметным напряжением. Боевого опыта

Штурмовая группа. Взять Берлин!

инструктор не имел, и лезть ночью во вражеский тыл через черную холодную речку совсем не стремился. Капитан оценил самоотверженность политработника.

— Обойдемся сами, Яков Григорьевич. Там бойцы бывалые понадобятся. А ты поднимай боевой дух личного состава.

Командир разведки Савелий Грач тоже не одобрял решение Ольхова влезать в ночной бой, который неизвестно чем кончится. Кроме того, получается большая задержка в продвижении штурмовой группы, а значит, передовой дивизии и остальных частей, идущих на Берлин по этому маршруту.

— Часов пятнадцать потеряем, — озабоченно выразил он свое мнение, когда остались втроем с Ольховым и командиром саперного взвода Петром Шевченко.

— Другого выхода не вижу, — пожал плечами Ольхов. — Двинем днем, да еще с танками, они просто взорвут мост, да и «тигр» подходы пристрелял. Сожжет нашу технику. На километр не даст приблизиться.

— Они и ночью успеют мост взорвать. Всех делов — повернуть рубильник, и готово.

— Ночью есть шанс их опередить. Если до сих пор не взорвали, то и сейчас торопиться не станут. Ожидают, что мы танки вперед двинем и всю остальную технику. У них задача не только мост стеречь, но и наши танки из строя выводить. Ослаблять напор на Берлин. Если сработаем четко и захватим мост, то не пятнадцать часов, а суток двое выиграем для дивизии.

Вернулся Шугаев с напарником, старательно, хоть и коряво, нарисовал план моста и укреплений. Со-

общил, что противотанковых пушек там две. Кроме «тигра» и зенитного автомата имеются минометы.

— Основная оборона сосредоточена на правом берегу. На левом, кроме дота и траншеи, под берегом каски мельтешат. Там тоже хорошая позиция для минометов. Только их не разглядеть.

— Гарнизон приличный, — рассуждал Грач. — Артиллерийские и минометные расчеты, экипаж «тигра», охрана, пулеметчики. Человек с полсотни наберется. Из них три четверти на правом берегу. Рискованную затею ты задумал.

— Вряд ли они ожидают, что мы с тыла без техники полезем, — сказал Ольхов. — И вообще, болтать долго не будем. Решение принято.

— Тогда группу свою усильте, — настаивал Савелий.

— Ладно. Возьмем для ровного счета еще с пяток бойцов. Вон, Шугаев Иван с нами рвется, только скромничает.

Сержант Шугаев, в прожженном маскхалате и с ободранной щекой, в ответ лишь шмыгнул носом. Сегодня он едва избежал гибели и не рвался испытывать судьбу опять. Слова капитана звучали хоть и добродушно, но за ними угадывался жесткий приказ. Шугаев хорошо изучил мост и подходы. Значит, ему тоже идти. В оставшееся до темноты время Ольхов вместе с Петром Шевченко, пройдя с километр вдоль речки, внимательно осмотрели мост, укрепления, нанесли на карту огневые точки.

— Лишь бы на мины не нарваться, — высказал опасение капитан. — Накроется вся наша затея.

— Фрицы свободно расхаживают, — ответил сапер. — На том берегу вряд ли они мины ставили. А с

Штурмовая группа. Взять Берлин!

нашей стороны по обочинам дороги очень могут быть. Поэтому они и разведку близко не подпускали. Мины-то в основном против танков. Им не надо, чтобы вместо танков бронетранспортер на мину налетел. Слишком мелкая добыча.

Переправлялись на трофейной резиновой лодке, рассчитанной на пять человек. Ночь выдалась темная, поднялся легкий, но холодный ветер. Весеннее половодье еще не началось, но и тридцати метров ширины речки хватило, чтобы хорошо черпануть воды, вымокнуть, а у правого берега наткнулись на острые ледяные пластины, которые едва не пропороли лодку.

Двадцать пять человек переправили в несколько заходов довольно быстро. Над мостом, в километре отсюда, изредка взлетали ракеты. Охрана давала понять, что не спит. Но ракетами не увлекались, чтобы не слишком выставляться. Здесь пока еще тыл.

Свою команду Ольхов заранее разделил на несколько групп. Для каждой — свой объект. Капитан шагал, слыша напряженное дыхание людей. Их могла подстергать любая неожиданность. Больше всего опасались мин. Хотя разведчики убедились, что левый берег не заминирован, там свободно ходили патрули.

Глухое место, небольшая речка, проселочная дорога. Но ведь именно этим маршрутом направили штурмовую группу с бронетехникой, численностью едва не с батальон. А следом пойдут основные силы дивизии приданного ей танкового полка, а может, и всего механизированного корпуса.

На несколько минут остановились, не доходя сотни метров до моста. Здесь были деревья, кусты, еще по-зимнему голые, но хоть какое-то укрытие. Взлетевшая ракета на секунды осветила лицо младшего лейтенанта Шевченко с носом-нашлепкой и оспинами на лбу.

В первую очередь предстояло уничтожить блиндаж, в котором находился командный пункт, рация и куда наверняка тянулись провода от зарядов взрывчатки, заложенных под мостом.

Послышались шаги часового, и все замерли. Немец постоял, вслушиваясь в шум ветра и плеск мелких волн. Один из разведчиков скользнул бесшумной тенью в сторону шагов. Все напряженно ожидали. Короткая возня, приглушенный звук человеческого голоса. Часовой, видимо, пытался крикнуть, но не успел. Вернулся разведчик и доложил:

— Чисто. Там, за блиндажом, зенитная установка. Кто-то дежурит.

— Пошли, — выдохнул Ольхов, понимая, что дальше без шума уже не обойдется. Дежурят не только у зенитки, но и на командном пункте, и возле пушек, и в танке, укрытом в капонире поодаль.

Двадцать пять человек быстро растекались, приближаясь к своим объектам. Ординарец Ольхова Николай Антюфеев, обогнав остальных, рванул дверь командирского блиндажа и сразу открыл огонь. Автомат «ППШ» бился в его руках. Сквозь отверстия в кожухе вырывались рваные языки пламени. В блиндаже кто-то вскрикнул, опрокинулся тяжелый предмет, звенело разбитое стекло.

Когда ворвались внутрь, при свете аккумуляторной лампочки, висевшей под потолком, увидели

Штурмовая группа. Взять Берлин!

лежавшее рядом с опрокинутой табуреткой тело радиста. Рация на столе дымилась и мелко искрилась. Возле лежанки ворочался еще один немец, пытался подняться.

Распахнулась дверь в другую часть блиндажа. Из неширокой щели брызнули вспышки автоматной очереди. Разведчик, из молодых, кинувшийся к двери, упал, перегородив проход.

Ольхов стрелял короткими очередями из своего легкого «ППС». Снова открыл огонь Антюфеев, посылая остатки диска сквозь дверь. Во второй половине блиндажа обнаружили убитого офицера. Фельдфебель, выронив автомат, стоял на коленях, прижимая руки к животу.

— Не стреляйте...

В конце войны немцы дрались как всегда отчаянно, но уже выучили русские слова, которые могли им понадобиться.

— Где рубильник? — обшаривая помещение лучом фонарика, отрывисто спросил Петр Шевченко.

За годы войны сапер тоже выучил несколько десятков необходимых в его работе немецких слов. Но фельдфебель стоял на коленях, раскачиваясь, не в силах произнести что-то еще. Изо рта тянулась струйка крови.

— Да вот он, — показывая на металлическую коробку на стене, сказал сержант Антюфеев.

Шевченко отщелкнул крышку, с полминуты всматривался в разноцветные провода и клеммы.

— Где-то должен быть дублирующий рубильник, — пробормотал он.

— Ладно, разбирайся, — кивнул ему капитан и выскочил вместе с ординарцем наружу.

На пяточке возле моста шел бой.

Здесь находились еще два блиндажа. Один забросали гранатами, со вторым так просто не получилось. Немецкий лейтенант, обходивший ночные посты, увидел русского солдата с гранатой в руке. Он уже взялся за ручку блиндажной двери, негромко хлопнул запал, но лейтенант, с его острым зрением восемнадцатилетнего стрелка-спортсмена, опередил русского.

Лейтенант был вооружен новым автоматом «МП-43» с усиленным патроном. Короткая очередь свалила гранатометчика, а офицер отпрянул в сторону, спасаясь от осколков.

«Лимонка», которую не успел бросить русский, взорвалась рядом с ним. Сноп осколков изрешетил неподвижное тело и ранил другого русского солдата, вынырнувшего из темноты. Лейтенант почти не имел боевого опыта и лишь месяц назад окончил краткосрочные офицерские курсы.

Он отлично стрелял еще с детства и, вскинув автомат, послал очередь. Раненый русский успел отпрянуть, а лейтенант сделал непростительную ошибку. Продолжал стоять на открытой со всех сторон площадке, защищая блиндаж, из которого выскакивали полуодетые артиллеристы.

— Быстрее, быстрее, — торопил он солдат. — Русские в тылу!

Капитан Ольхов разглядел при свете взлетевшей ракеты спортивно сложенного немецкого офицера. В камуфляжной, туго затянутой теплой куртке, он настороженно замер с длинновольным автоматом у плеча. У человека, наверное, есть предчувствие смерти. В тот момент, когда Василий Ольхов нажи-